

**ДРУЖИНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОПОЛЧЕНИЯ
БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В годы Первой мировой войны в России широкое развитие получило государственное ополчение. Оно состояло из пеших дружин, конных сотен, батарей и саперных полурот. При необходимости ополченческие части соединялись в бригады, дивизии и корпуса ополчения. Общее руководство формированием и комплектованием ополченческих частей возлагалось на управления инспекторов ополченческих частей, сформированные в 1914–1915 гг. в составе полевых управлений главнокомандующих армий фронтов. В военном отношении ополченческие части подчинялись штабам соответствующих войсковых частей.

В данной статье мы остановимся на кратком освещении вопроса формирования дружин государственного ополчения на территории белорусских губерний в годы Первой мировой войны.

Формирование дружин государственного ополчения осуществлялось в соответствии с мобилизационным расписанием 1910 года и «Положением об устройстве государственного ополчения», объявленным приказом Военного ведомства № 446 от 23 июля 1914 года, на шестой день мобилизации – после того как в основном были сформированы, снаряжены и выступили в места сосредоточения соединения и части действующей армии. Дружинам присваивались общие номера. Причем к номеру добавлялось название губернии, из ратников которой дружина формировалась полностью или в большинстве. Формирование ополченских дружин и команд производилось при управлениях уездных воинских начальников, а также при войсковых частях.

Ратники ополчения делились на два разряда. Порядок призыва ратников 1-го разряда на сборные пункты, медицинский осмотр и прием на службу, получение довольствия и обмундирования, отправка новопринятых по назначению осуществлялись по тем же правилам, что и для призыва нижних чинов запаса в части действующей армии.

В ратники ополчения 1-го разряда зачислялись лица от 21 года до 38 лет, годные по здоровью, но имевшие льготы от призыва в войска, а также уволенные из постоянных войск. Сформированные из них дружины привлекались к несению гарнизонной службы в пунктах постоянного квартирования войсковых частей, выступивших в поход к театру военных действий; направлялись на охрану железных дорог и коммуникаций оборонного и стратегического назначения, для службы в крепостях, а также для пополнения контингента войск действующей армии посредством использования запасных батальонов.

В ратники ополчения 2-го разряда зачислялись льготные при ежегодных призывах в армию, а также уволенные из частей войск и из запаса по состоянию здоровья и негодности к строевой службе, но способные носить оружие. Данная категория ратников после обучения, так же как и ратники 1-й категории, привлекалась к несению караульной службы, службе на этапах, а также охране военных гуртов скота, выполнению других служебных обязанностей, но они не направлялись на пополнение войсковых частей действующей армии.

На командные должности в части государственного ополчения назначались «обязанные службой в ополчении лица офицерского звания» с соответствующим должности военным образованием. Причем на высшие должности (начальников бригад, штабов, командиров дружин) назначали штабы военных округов по кандидатским спискам, составленным в мирное время Главным Управлением Генерального штаба (ГУГШ); на должности командиров конных сотен, саперных полурот, рабочих рот, начальников отдельных команд – в дни призыва уездными воинскими начальниками по согласованию со штабами военных округов [1, л. 4].

Формирование ополченской части осуществлял ее командир. Предельным являлся двухнедельный срок со дня прибытия в пункт формирования последней партии укомплектования.

При формировании ополченских частей имелись сложности с назначением на командные должности, особенно на должности низшего звена, из-за недостатка офицеров. В связи с этим нередко были сообщения уездных воинских начальников в штабы военных округов. Об этом, например, в Вильно и Двинск телеграфировали из Минска, Мозыря, Речицы, Игумена, Слуцка, Борисова, Лепеля, Новогрудка, Пинска, Гродно, Бобруйска, Мстиславля, Чаус, Черикова, Быхова [2, л. 71, 240–249, 258–260, 338, 339]. В связи с этим последовали указания ГУГШ призвать всех отставных офицеров, «не перешедших предельного возраста», «если их зачисление в ополчение не противоречит установленным требованиям», а также принять на учет и зачислить в ополчение всех офицеров, перешедших предельный возраст, но

годных к службе по состоянию здоровья и пожелавших добровольно служить в ополчении [Там же, л. 34]. 2 августа 1914 г. об этом сообщалось губернаторам, что позволило решать вопросы с недостающим контингентом офицерского состава, т. к. последовало много добровольцев – старших и младших офицеров, желавших поступить на службу в ополчение. Так, с заявлениями о «добровольном желании поступить на службу в ополченские части» обратились к Гомельскому воинскому начальнику «отставные» генерал-майоры Стадницкий и Гриневич, полковники Масловский и Архаров, подполковники Трезвинский и Ушаков; к Бобруйскому воинскому начальнику – «изъявившие желание служить в ополчении, перешедшие возраст» полковники Данилевский, Касаткин, Хлопецкий и Белугин, подполковники Цебулевский и Слобицкий; к Полоцкому воинскому начальнику с «прошением» принять на службу в ополчении обратились, «несмотря на предельный возраст», генерал-майор Кусаков, полковник Терлецкий и поручик Михайлов; в Гродненское губернское воинское присутствие добровольно поступили на учет и были призваны в распоряжение уездных воинских начальников полковники Марциновский и Петров, подполковники Лючинский и Бобицкий; в Дриссенское уездное воинское присутствие Витебской губернии «явились призванные из отставки на службу в Государственное ополчение» полковники Надольский и Савков [Там же, л. 480–482, 501, 601]. Патриотизм «отставных» офицеров выразил в своем обращении к командующему 1-й армии подполковник Г. А. Марков: «Будучи совершенно здоров и физически силен, находиться в отставке в лучшую годину нашей жизни, я не в силах, потому прошу о принятии меня на службу...» [Там же, л. 613].

На должности младших офицеров назначались вольноопределяющиеся ратники, с образованием 1-го или 2-го разряда, а также не проходившие службы в войсках, но имевшие образовательный ценз. Уже 17 августа губернатор Минской губернии А. Ф. Гирс сообщил начальнику штаба Двинского Военного Округа о том, что «во всех ополченских частях командиры имеются» [Там же, л. 593].

Обмундирование ополченских частей и команд осуществлялось благодаря «попечению» интендантских служб. Причем, согласно «Положению об устройстве государственного ополчения», в качестве обмундирования использовалась «второсрочная мундирная одежда», оставшаяся после обмундирования частей действующей армии. Обувь выдавалась из «войсковых и интендантских запасов».

Снаряжение производилось из «оставшихся в войсковых складах запасов», в том числе «отмененных образцов», «выслуживших табельный срок», а также из специально созданного снаряжения для ополченских частей в пунктах их формирования [1, л. 4].

При экипировке ополченских частей встречались немалые трудности. Оставшиеся в войсковых частях обмундирование и снаряжение, по «экстренному» выступлению последних в поход, не были переданы дружинам и оказались запертым в цейхгаузах. Только по распоряжению начальника снабжения армии, в присутствии специально созданных комиссий склады были

вскрыты и имущество было передано по назначению [2, л. 531]. Однако этого оказалось недостаточно. Последовал целый ряд обращений в штаб Двинского военного округа из Минска, Могилёва, Гродно с просьбой отдать распоряжение интенданту округа об отпуске недостающего [Там же, л. 391, 405]. В сложившейся ситуации имели место случаи, когда командиры ополченских частей обмундировывали личный состав за свой счет. Так, например, поступил командир 400-й Минской дружины полковник Кириаков. Он, «помня присягу и долг выступить в поход 9 августа» из Бобруйска, обмундировывал дружину за свой счет. Сообщая об этом командующему 1-й армией генерал-адъютанту Ренненкампфу, он просил «приказания выслать деньги», т. к. «его наличные были уже истощены совершенно» [3, л. 406]. 15 августа начштаба Двинского военного округа, признав, что «почти все формирующиеся и формировавшиеся ополченские части не получили полностью обмундирование, снаряжение, седла», просил окружного интенданта «сделать соответствующее циркулярное распоряжение о пополнении ополченских частей названными предметами» [Там же, л. 394].

Оснащение ополченских частей обозами, согласно «Положению об устройстве государственного ополчения», производилось повозками «произвольного образца», лошадьми и сбруей, поставками от населения по «военно-конской и обозной повинности». В этом деле также имелись сложности, т. к. при поставке коней, подвод и упряжи для частей действующей армии все лучшее было уже отобрано. Поэтому комиссиями многое забраковывалось при проверке дополнительно поставляемого. Так, например в Могилевской губернии населением Сенненского уезда для ополченских дружин было поставлено 1 347 упряжных лошадей, 532 парных повозок и 736 комплектов упряжи. Принято было только 638 комплектов упряжи. Недобор упряжи комиссия объясняла низким качеством [4, л. 6–7]. Свое неудовлетворение поставками повозок и упряжи для ополчения населением Гомельского уезда выразил командир 398-й Могилевской дружины в донесении Гомельскому уездному присутствию по воинской повинности. При этом он просил выслать «недостающие предметы упряжи» и деньги на «необходимый ремонт телег». Об этом он одновременно сообщил Могилёвскому губернатору, которого просил «сделать распоряжение о скорейшем удовлетворении дружины предметами обозного снаряжения и приведении его в должный порядок» [Там же, л. 120–121]. Населению Чаусского уезда было предписано дополнительно поставить для 11-го обозного батальона 75 «парных дышловых» повозок и 150 комплектов «дышловой» упряжи, в действительности же комиссией были признаны годными только 17 парных дышловых и 58 «оглобельных с пристяжкой» повозок. Недобор упряжи составлял 97 комплектов, причина – «неимение в уезде достаточного количества годной для поставки упряжи» [Там же, л. 127].

Недостающими предметами для обозов ополченские части удовлетворялись путем закупок у помещиков и зажиточных мещан, а также у крестьян. Так, дворянин Витольд Славинский, владелец поместья Заречно Толочин-

ской волости, сдал 24 лошади для обоза за 3 339 руб.; граф Аполинарий Хребтович, дворянин А. В. Воронкович, С. Л. Здравский и др. – по три лошади [Там же, л. 33].

Материальной частью: артиллерией, снарядами, патронами боевого комплекта для прохождения курса учебной стрельбы, а также предметами вооружения ратников – ополченские части должны были снабжаться в пунктах формирования из заготовленного еще в мирное время [1, л. 5].

В дни следования ратников на сборные пункты имели место случаи проявления ими недовольства – запрещалась продажа спиртных напитков. Кроме этого, ратникам нельзя было совершать действия разбойного характера, выражающиеся в разгромах казенных и частных винных лавок. Такие случаи имели место в Витебской губернии, где пьяная толпа ратников и запасных с сопровождающими их родственниками, численностью около 8–10 тыс. человек, «чинившая по пути следования разгромы и насилия», прибыв в Лепель, «серьезно угрожала общественному порядку» [5, л. 79]. В Полоцком уезде партия ратников в 60 человек, по сообщению уездного исправника Витебскому губернатору, следуя через селение Сухой Бор, «напала на казенную винную лавку, вскрыла окна и забрала часть вина» [6, л. 53]. Велижский уездный исправник в рапорте Витебскому губернатору докладывал об ограблении казенной винной лавки в Велиже и селе Верховье запасными и ратниками с участием мещан и крестьян [Там же, л. 59]. Подобные случаи имели место и в других белорусских губерниях. Особенно это проявилось там, где местные власти не были к этому подготовлены. Так, в Лепельском уезде отсутствовала охрана питейных заведений, не было обеспечено сопровождение следовавших команд. Однако в целом мобилизация ратников ополчения в белорусских губерниях прошла относительно спокойно, успешно и в установленные сроки, в духе верноподданничества «царю и Отечеству». По нашим подсчетам, в белорусских губерниях к началу августа 1914 года было сформировано 52 дружины Государственного ополчения, 8 ополченских конных сотен, 7 ополченских рабочих рот и 27 крепостных рабочих рот¹. Только в Минской губернии в соответствии с мобилизационным расписанием должны были сформироваться 23 дружины и 3 сотни конных ратников [7, л. 9.]. Численный состав дружины, как правило, составлял до 1 тыс. человек.

В основном дружины Государственного ополчения при объявлении мобилизации в белорусских губерниях были сформированы до середины августа 1914 года. Согласно имеющимся сведениям количественно по уездным городам они выглядели следующим образом: в Минской губернии: в Минске, Бобруйске, Новогрудке, Пинске и Речице были сформированы по три дружины; в Борисове, Игумене и Мозыре – по две; в Слуцке – одна; в Могилевской губернии: в Гомеле – три; в Рогачеве и Сенно – по две дружины; в Быхове, Горках, Климовичах, Могилеве, Мстиславле, Орше, Чаусах и Черикове – по одной; в Витебской губернии: в Невеле – две дружины;

---

¹ Подсчитано автором по РГВИА. – Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1836. Л. 120, 132, 134, 167.

в Витебске, Двинске, Дисне, Лепеле, Люцине, Полоцке, Свенцянах и Себеже – по одной; в Гродненской губернии: в Гродно и Волковыске – по две дружины, в Слониме – одна¹.

Обучение ратников ополчения начиналось офицерами с помощью унтер-офицеров уже по прибытии первых партий в пункт формирования дружин, конных сотен и других подразделений, ранее проходивших войсковую службу. При этом ратники, мобилизованные из запаса, ранее проходившие строевую подготовку, обучались по сокращенной программе.

В соответствии с мобилизационным расписанием № 20 ГУГШ дружины, а также конные сотни и рабочие роты, сформированные в белорусских губерниях, были распределены следующим образом (таблица)²:

**Подразделения, сформированные
в белорусских губерниях**

Дружины		Конные сотни		Рабочие роты	
№ и название	Пункт формирования	№	Пункт формирования	№	Пункт формирования
374-я Минская	Бобруйск	72-я	Бобруйск	43-я	Гомель
371-я Минская	Борисов	71-я	Гомель	41-я	Слоним
398-я Могилёвская	Гомель	69-я	Минск	42-я	Слоним
369-я Минская	Минск	70-я	Пинск		
390-я Минская	Мозырь				
367-я Минская	Новогрудок				
368-я Минская	Новогрудок				
379-я Минская	Новогрудок				
394-я Могилёвская	Орша				
387-я Минская	Пинск				
391-я Минская	Речица				
540-я Могилёвская	Рогачёв				
366-я Гродненская	Слоним				
515-я	Смоленск				
В распоряжение Двинского военно-окружного управления					
364-я Виленская	Вилейка	67-я	Витебск	29-я	Двинск
376-я Витебская	Витебск	68-я	Двинск	30-я	Двинск
384-я Витебская	Двинск			32-я	Дрисса
378-я Виленская	Дисна			33-я	Дрисса
377-я Витебская	Лепель				
363-я Виленская	Ново-Свенцяны				
362-я Витебская	Полоцк				

¹ Подсчитано автором по РГВИА. – Ф. 1932. Оп. 8. Д. 7; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1836.

² Составлена автором по РГВИА. – Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1836.

Назначены в 1-ю армию					
385-я Виленская	Вильно	65-я	Вильно	38-я, 39-я, 40-я, 41-я	Ошмяны
403-я Могилёвская	Сенно	66-я	Лида	42-я, 43-я, 44-я	Лида
404-я Могилёвская	Горки				
539-я Могилёвская	Климовичи				
370-я Минская	Минск				
396-я Могилёвская	Мстиславль				
393-я Могилёвская	Сенно				
537-я Могилёвская	Чаусы				
538-я Могилёвская	Чериков				
361-я Ковенская	Шавли				
Назначены во 2-ю армию					
400-я Минская	Бобруйск			45-я 59-я	Новогеор- гиевск
405-я Минская	Бобруйск			75-я, 76-я, 77-я	Осовец
372-я Минская	Борисов				
365-я Гродненская	Гродно				
386-я Гродненская	Гродно				
373-я Минская	Игумен				
381-я Минская	Игумен				
380-я Минская	Минск				
382-я Минская	Слуцк				
Назначены в 3-ю армию					
417-я Могилёвская	Могилёв				
Назначены в 4-ю армию					
389-я Минская	Мозырь				
388-я Минская	Пинск				
401-я Минская	Пинск				
392-я Минская	Речица				
402-я Минская	Речица				
Назначены в 5-ю армию					
397-я Могилёвская	Быхов			60-я 74-я	Брест- Литовск
399-я Могилёвская	Гомель				
525-я Могилёвская	Гомель				
395-я Могилёвская	Могилёв				
541-я Могилёвская	Рогачёв				

После того, как дружины Государственного ополчения в основном были сформированы, обмундированы и снаряжены, они выступали в поход к местам назначения. Например, 392-я Минская дружина, сформированная в Речице, прибыла в Люблин (Царство Польское); 368-я Минская дружина, сформированная в Новогрудке, находилась в Лыке (Восточная Пруссия); 537-я Могилевская дружина, сформированная в Чаусах, выступила в поход к месту назначения – ст. Радзивилишки Либаво – Роменской ж. д.; 538-я Могилевская дружина выступила в поход 4-го августа из Черикова, 397-я Могилевская дружина 8-го августа выступила в поход из Быхова в Кобрин Гродненской губернии; 377-я Витебская дружина, сформированная в Лепеле, частями (ротами) была направлена в Лиду и на ст. Рожанка, также Гродненской губернии [2, л. 263, 532, 562, 613]. По прибытии в пункты назначения дружины, конные сотни несли караульную службу, службу по охране железных дорог, мостов, этапов транспортов, военных гуртов скота.

Таким образом, мобилизация ратников ополчения и формирование дружин, конных сотен, рабочих рот в белорусских губерниях в основном прошли своевременно и успешно. Имевшие место случаи погромного характера не были многочисленными по числу участников и совершались под влиянием психологического заблуждения в атмосфере вседозволенности и безнаказанности в условиях военной обстановки. Все эти случаи пресекались небольшими силами местной полиции.

Большие сложности были с обмундированием и снаряжением ополченцев. Сначала не был обеспечен доступ к оставленному войсками, по получении доступа к имуществу его оказалось недостаточно. Проблема решалась местными уездными воинскими присутствиями при помощи окружных военных интендантов.

С большим напряжением формировались обозы для ополченских частей. Основной причиной являлась предшествовавшая поставка населением по «военно-конской и обозной повинности» для частей полевых войск. Несмотря на все сложности с обмундированием и снаряжением, сформированные ополченские части в основном были снабжены необходимым и смогли (в большинстве своем) своевременно выступить в поход к местам назначения и приступить к исполнению возложенных на них обязанностей.

Изучив боевой путь соединений и частей русской армии, дислоцировавшихся накануне войны на белорусских землях и в дни мобилизации пополненных местным населением до штатов военного времени, нам удалось установить, что уже в конце 1914 года личный состав дружин государственного ополчения направлялся на пополнение частей действующей армии, понесших большие потери в сражениях. Например, в декабре 1914 г. 447 ополченцев из 371-й Минской дружины (формировалась в Борисове) прибыли на пополнение частей 38-й пехотной дивизии 19-го армейского корпуса, входившего в состав 5-й армии Юго-Западного фронта, занимавшей позиции на территории Царства Польского. Распределив пополнение, командование дало ополченцам нелестную оценку: «как материал для пополнения полевых войск ополчения не особенно подходящий»; «желания воевать у них

нет, все они с удовольствием готовы поскорее вернуться на родину, независимо от того, успешно или неудачно окончится война», «при первой опасности ратники стремятся как-нибудь улизнуть, лишь бы не подвергать опасности свою жизнь» [8, л. 218].

Очевидно, что ратники ополчения из других губерний Российской империи, поступавшие в действующую армию на пополнение, были не лучшими. В частности, в январе 1917 г. в 75-ю пехотную дивизию прибыли 173 ратника из 522-й Тульской дружины, больше половины из которых, по оценке штаба дивизии, «пришли полуодетые, в очень скверных, совсем негодных сапогах. В строевом отношении люди почти неподготовленные; некоторые никогда не держали винтовки в руках, о дисциплине в строю, перестроениях никакого представления». В то же время более положительно характеризовались 180 ратников из 538-й Могилевской дружины, поступившие в дивизию на пополнение. По оценке штаба дивизии, «люди одеты сносно, обувь удовлетворительная, много лишь маломерных сапог, строевая подготовка слабая» [9, л. 291, 294].

Однако война приобретала затяжной характер, войска в сражениях несли огромные потери. В результате требовались все новые и новые пополнения для существующих частей, а также формирование новых полков. В частности, уже в декабре 1915 г. в г. Вознесенске Херсонской губернии из трех Минских дружин государственного ополчения (389-й, 392-й и 402-й, комплектовались в Мозыре и Речице) был сформирован 507-й Речицкий пехотный полк, который затем был направлен в г. Одессу для обучения и боевой подготовки, после чего в составе 127-й пехотной дивизии 5-го Кавказского корпуса участвовал в сражениях на Кавказском фронте. В январе 1918 г. откомандировывались «в свою часть – в 537-ю пешую Могилевскую дружину» (сформировалась в Чаусах) находившиеся в 27-м армейском корпусе 5-й армии Северного фронта солдаты Ботин Николай, Угаров Николай и Окинчиц Григорий [10, л. 33, 51].

Особенно активно реорганизация дружин государственного ополчения и формирование новых полков действующей армии производились в ноябре 1916 г. – январе 1917 г. В частности в этот период, в соответствии с приказами начальника штаба Верховного главнокомандующего, были сформированы 15 пехотных полков, которым были присвоены названия белорусских городов и которые принимали участие в сражениях на Западном, Юго-Западном и Северном фронтах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 1932. Оп. 1. Д. 134.
2. РГВИА. – Ф. 1932. Оп. 8. Д. 7.
3. РГВИА. – Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1836.
4. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2053. Оп. 1. Д. 74.

5. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49060.
6. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48806.
7. НИАБ – Ф. 300. Оп. 1. Д. 31.
8. РГВИА. – Ф. 2368. Оп. 2. Д. 610.
9. РГВИА. – Ф. 2405. Оп. 1. Д. 300.
10. РГВИА. – Ф. 2232. Оп. 1. Д. 335.